Лес рубят! Социальные последствия модернизации лесозаготовительной деятельности в Вологодской области[1]

Рецензия на книгу: Беляева М. Щепки летят. Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине. М.: Common Place; фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2024. — 192 с. ISBN 978-999999-1-73-5.

К. В. Аверкиева

Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института географии РАН. 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4.
E-mail: k_averkieva@igras.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-308-313

В последние 20, если не 30 лет представители наук об обществе избегали исследовать ряд тем из-за очень сложной институциональной устроенности и высокой доли теневого сектора, граничащего с криминалом. В их числе всегда были лесозаготовки и вылов рыбы. Иногда появлялись отдельные публикации: антропологические зарисовки о жизни отдельных поселков[2], о региональных проблемах развития лесозаготовок[3]. При этом практически не было работ ни о населенных пунктах, возникших для обслуживания отрасли, ни о ее работниках, ни о социальных особенностях постсоветской трансформации и современного функционирования лесного бизнеса.

Книга М. Беляевой «Щепки летят» — редкое и очень ценное для представителей разных дисциплин исследование не экономики лесопользования, а его формальной и неформальной институциональной организации, роли обновленной отрасли в жизни сельских террито-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения 0008 научно-исследовательской работы государственного задания «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы», № FMWS-2024-0008 Института географии РАН

2. Позаненко А. А. (2018) «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Социология. Этнология. Т. 27. № 4. С. 31-55.
3. Кузьминов И. Ф. (2010). Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 31-43.

рий, где одновременно рассматриваются и социальные последствия радикальных перемен в лесном комплексе. За несколько лет полевых исследований автор провела около 70 глубинных интервью с представителями различных сторон, вовлеченных в лесной бизнес или затронутых его трансформацией: непосредственно работниками лесозаготовок, бывшими работниками, жителями лесопунктов и сел, где велась или ведется лесозаготовительная деятельность, владельцами крупных лесопромышленных холдингов и индивидуальными предпринимателями. Исследователь прошла весь путь от удаленных делянок в лесу, где работники живут в вагончиках-вахтовках, до центров деревообработки, от областного и районных центров до малых сел и удаленных поселков, лишившихся экономической базы в связи с территориальной перестройкой отрасли.

Исследование базируется на материалах одного региона — самого лесозаготавливающего в Европейской России, уступающего лишь нескольким сибирским. Вологодская область в числе первых смогла адаптироваться к различным изменениям институциональной организации и технического уклада лесозаготовок и превзойти советские показатели отрасли, в отличие от всех соседних лесных регионов. Ценно, что автор охватила исследованиями территории в разных частях обширной области, не останавливаясь на одном-двух кейсах. Книга изобилует цитатами и обширными вставками с расшифровками интервью, она говорит с читателем не только языком автора, но и словами респондентов, передавая всю сложность ситуации и неоднозначность оценок происходящих процессов.

На 190 страницах книги Марина Беляева показывает самые важные черты, присущие современной лесозаготовительной отрасли, и перемены, которые произошли в ней за последние 20 лет. Она демонстрирует главное — насколько лес всегда был важен для жизни сельских жителей, что это не столько отрасль экономики, сколько образ жизни и основа определенного сельского уклада, который сохранялся в Вологодской области дольше, чем в других областях. Именно поэтому многие современные процессы, которые аналитикам видятся как прогресс и развитие (рост удельных лесозаготовок, технической оснащенности отрасли, заработной платы сотрудников и др.), на самом деле весьма неоднозначно сказываются на развитии сельских территорий.

В первой части книги автор рассказывает об изменениях в условиях лесопользования и арендных отношениях, которые стали основной формой получения леса после принятия Лесного кодекса 2007 года. Приводятся некоторые количественные характеристики арендных участков, механизмы их получения и распределения между лесопользователями. Есть глава, посвященная неформальным практикам получения участков для лесозаготовок. Отдельно автор рассматривает «приоритетные инвестиционные проекты» как форму участия в лесных аукционах, которая в Вологодской области вылилась не только в предоставление леса крупным компаниям, но и в самоорганизацию

лесозаготовителей, формирование районных объединений и кооперацию. Это редкое явление и необычный процесс, который мог бы стать одним из сюжетов отдельного исследования низовых форм самоорганизации сельских жителей. При этом Беляева показывает, что ежегодно минимальный размер таких проектов увеличивается, не оставляя шансов местным предпринимателям и способствуя передаче арендных участков крупным игрокам, не связанным с территорией.

Важное наблюдение автора, подкрепленное многочисленными интервью — это разное отношение к сотрудникам, населенным пунктам и территории в целом, которое бывает присуще местным компаниям и тем, кто не связан с районом лесной аренды или с Вологодской областью в целом. Те, кого условно можно назвать местными, более внимательны к своим сотрудникам и готовы вкладывать средства в благоустройство и инфраструктуру населенных пунктов, поддерживать избыточную занятость, чтобы сохранить рабочие места, более бережно относятся к лесным ресурсам.

В книге очень рельефно показана современная техническая организация лесозаготовок и переход от ручной валки бригадами к работе на комплексах, когда одновременно повышается и производительность труда («*за сутки работы техники вырубается такой объем леса, который бы лесорубочная бригада заготовила за неделю*», с. 11). При этом работа оператора стала куда более комфортной, чем вальщика в составе бригады, теперь это «*работа в тапочках*», о чем постоянно говорят все респонденты. Но помимо улучшения условий труда переход отрасли на лесозаготовительные комплексы приводит к отрыву заготовок от системы расселения: лесопромышленные поселки больше не нужны, даже если лесозаготовка ведется в непосредственной близости. С помощью новой техники лес быстро вырубается на различных участках, вместе с ней перемещаются и работники, которые работают вахтовым методом и живут в вагончиках-вахтовках прямо на делянке.

> Интервьюер: *Сейчас кто-то из местных жителей работает в лесу на лесозаготовках?*
>
> Житель: *Мало людей.*
>
> Интервьюер: *А местные чем занимаются?*
>
> Житель: *На пилораме работают.*
>
> Интервьюер: *А в лесу?*
>
> Житель: *А в лесу сейчас все комплексы.*
>
> Интервьюер: *А операторы, которые в лесу работают?*
>
> Житель: *У нас так неместные работают.*
>
> Интервьюер: *А из вашей деревни никто не работает?*
>
> Житель: *Из нашей все ездят в соседнюю область работать, все по командировкам.*
>
> (с. 84)

Одновременно в формате описания различных кейсов показана судьба лесопромышленных поселков: большая численность населения и развитая инфраструктура в прошлом, стремительная депопуляция в последние 20 лет и редкие жители сейчас. А также отсутствие возможности работать в лесу и с лесом: даже вблизи населенных пунктов леса, как правило, находятся в аренде у других предпринимателей, не местных, а то и у крупных холдингов, и жители доступа к лесу не имеют. При этом все издержки лесопользования они все равно несут на себе: разбитые лесной техникой дороги в теплый сезон (правда, зимой — чищенные и всегда проезжие), нарушение сложившихся практик сбора дикоросов, охоты, утрата значимых лесных ландшафтов.

В книге показываются различные формы организации лесозаготовок, от крупных лесопромышленных холдингов до малого бизнеса с небольшими бригадами и даже «черных лесорубов» — тех, кто вырубает лес нелегально. Автор приводит данные департамента лесного комплекса Вологодской области о том, что нелегально вырубается около 1% от заготовленного леса в области, и она соглашается с такой оценкой после проведения исследования. В книге показано, что вопреки стереотипам о сплошных нелегальных рубках, когда на месте леса остаются неубранные ветви и пни, нелегальная заготовка леса — выборочная, когда «черные лесорубы» валят только наиболее спелые качественные деревья, оставляя менее спелые и подрост. Это совпадает и с исследованиями автора данной рецензии, которая в своих интервью о природе «лесвора» встречала такие же оценки: «*вроде лес стоит, а взять нечего*» (интервью с предпринимателем в одном из наиболее лесных районов области) — именно так выглядят последствия незаконных рубок. Современная техника, оставляющая после себя полностью расчищенные делянки, в нелегальных лесозаготовках не участвует. «Черные лесорубы» — явление уходящее, как и ручная лесозаготовка в целом, и связано это не только и не столько с ужесточением контроля, сколько с постарением сельских жителей и оттоком молодых (либо более предпочтительной занятости в механизированных лесозаготовках на комплексах).

Вторая часть книги — это яркие полевые заметки: с делянок и из кабины техники, из различных населенных пунктов, где базируются лесопромышленные компании, или, наоборот, из потерявших работу и лес после прихода внешнего арендатора. Такие заметки позволяют увидеть всю внутреннюю кухню и условия работы в разных типах лесозаготавливающих компаний, почувствовать разницу в условиях труда на харвестерах и форвардерах в сравнении с трелевочными тракторами и ручной валкой леса, понять экономику лесозаготовок глазами сельских жителей. Благодаря заметкам можно понять, насколько бережно к лесу и сельским жителям относились и относятся даже те, кого принято считать наименее эффективными лесопользователями, и насколько сильны контрасты с крупными игроками в лесном бизнесе.

Одно из ценных наблюдений — это рубки на «белых пятнах», т. е. на землях сельскохозяйственного назначения. Это одна из самых за-

гадочных категорий природопользования, поскольку, с одной стороны, такой вид деятельности незаконный (нельзя официально получить право на разработку делянок на сельхозугодьях), с другой стороны, нет механизмов привлечения к ответственности за подобную деятельность, поскольку леса на полях быть и не должно. Внимание к этому вопросу пытаются привлечь многие коллеги[4], поскольку заросшие лесом поля в Нечерноземье — явление чрезвычайно распространенное, международная компания «Гринпис» приводила оценки, что около 10% российского леса произрастает на сельскохозяйственных угодьях[5], и требуется разработка новых законодательных норм работы с такими лесами или включение лесоводства в перечень разрешенных видов сельскохозяйственной деятельности. Но таких инициатив по-прежнему нет.

Формат книги сильно отличается от академических монографий, поскольку не предполагает ни обзора исследований (его заменяет краткое упоминание о том, что про лес написано слишком мало и ничего — о социальной стороне лесного промысла), ни описания методики исследования, ни теоретических рамок. Можно было бы предположить, что посыл этой книги иной, больше претендующий на формат этнографических описаний и нарративов, но и такие подходы имеют теоретические основы. В данной монографии автор лишь упоминает подход С. Г. Кордонского к определению промысловой деятельности (и то не приводя ссылок, поскольку соответствующие публикации есть только у его коллеги Ю. М. Плюснина[6]). Такой дизайн монографии не подрывает доверия к результатам исследования, но заставляет задуматься о научной этике в целом.

В то же время социологическая этика не позволила раскрывать не только имен респондентов и названия компаний, но и их территориальную принадлежность, что отчасти объяснимо, но сводит часть исследовательских усилий на нет. Возможно, в случае неэтичности упоминания топонимов (а в таком случае не стоит помещать и фотографии — некоторые населенные пункты легко узнаются) следовало бы уйти от описания отдельных поселков, сформировав собирательные характеристики различных их типов. Или можно было выбрать лишь отдельные сюжеты, характеризующие социальные последствия изменений в лесопользовании, не привязывая их к отдельным территориям.

---

4. Шварц Е. А., Казанцев Н. Н., Байбар А. С. (2021). Рациональное использование заброшенных земель сельскохозяйственного назначения: шаг вперед, два шага назад // Устойчивое лесопользование. № 1(65). С. 7-12.
5. Дать ссылку на первоисточник уже невозможно в связи с прекращением деятельности на территории Российской Федерации, но есть множество материалов, ссылавшихся на исследование, например, такой: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/05/27/802518-grinpis-sostavil-reiting
6. Плюснин Ю. М. (2022). Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 25. № 3. С. 58–90.

Отсутствие внимания к другим исследованиям, посвященным лесной отрасли на территории Вологодской области (а они есть[7]), иногда приводит к неточным трактовкам статистики. Так, автор неоднократно приводит в книге график с динамикой сокращения числа ИП в лесном секторе (с. 17, 49), иллюстрируя стремительное сокращение ИП в отрасли. С одной стороны, трудно не согласиться с автором, тем более что в подтверждение графикам приводятся цитаты из интервью, где говорится о сокращении числа предпринимателей, выдавливании малого бизнеса крупным и просто о старении сельского населения и выхода заметного числа лесорубов и предпринимателей на пенсию. С другой стороны, не учитываются различные институциональные игры, когда наемные работники у лесных предпринимателей оформляли ИП для оптимизации выплат и обхода сложных налоговых схем[8].

Книга будет чрезвычайно интересна всем, кто хочет лучше понять природу современной лесозаготовительной отрасли и увидеть широкий спектр социальных и пространственных последствий ее постсоветской трансформации. Подобно современному сельскому хозяйству[9], лесной комплекс стал ориентироваться на современные технологии, большие объемы и крупных игроков, а сельские жители оказались в стороне от современных комплексов. Современная лесохозяйственная деятельность часто идет вразрез со всеми тонко настроенными практиками существования в неплодородной нечерноземной зоне, поэтому весьма вероятно, что на фоне роста объемов лесозаготовок убыль сельского населения только усугубится.

The forest is being cut down! Social consequences of modernization of logging complex in the Vologda Region

Review of the book: Belyaeva M. (2024) «Chips are Fly. How the Logging Industry is Organized in the Vologda Region» Moscow: Common Place; Khamovniki Social Research Support Foundation. — 192 p. ISBN 978-999999-1-73-5

Ksenia V. Averkieva, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geoinformation Technologies, National Research University Higher School of Economics; Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. 119017, Moscow, Staromonetny Per., 29, bldng 4.
E-mail: k_averkieva@igras.ru

7. Ворошилов Н. В. (2020). Развитие лесного комплекса в муниципалитетах региона (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. Т. 8. № 5. С. 4; Аверкиева К. В. (2021). Постсоветская трансформация лесных поселков на севере Нечерноземья // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 90-110.
8. Воробьева И. Н. (2017). Специфика мотивации предпринимателей в сельской местности // Экономические и гуманитарные науки. № 4(303). С. 39-46.
9. Узун В. Я., Шагайда Н. И., Шишкина Е. А., Гатаулина Е. А. (2022). Холдингизация агробизнеса России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.